

В.А. Аванская

**КАРИБСКИЙ КРИЗИС В ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ АМЕРИКАНЦЕВ
(НА ПРИМЕРЕ ПИСЕМ АМЕРИКАНСКИХ ГРАЖДАН Н.С. ХРУЩЕВУ)**

Аннотация. Эмоции играют роль в формировании групп и идентичностей. Их изучение позволяет лучше понять механизм конструирования категорий «Мы» и «Они», а также реакций на политические события. В современных международных отношениях в рамках конструктивистского подхода эмоции изучают при помощи эмоциональных репрезентаций, т.е. способов передачи эмоций при помощи культурных и социальных кодов посредством речи, текстов, визуальных изображений, перформативных актов и т.п. Целью статьи является демонстрация важности и возможности изучения эмоций в истории международных отношений.

В статье используются письма американских граждан, написанные Н.С. Хрущеву во время Карибского кризиса. Письма содержат эмоциональные репрезентации, которые позволяют изучить эмоциональные группы и идентичности, сформировавшиеся или актуализировавшиеся во время Карибского кризиса. Они позволяют показать эмоциональные реакции американцев на это событие, а также дать объяснение тому, почему эти реакции были разными, и что определяло эти различия.

Разные реакции американцев на Карибский кризис можно изучить не только при помощи исследования эмоциональных групп и идентичностей, но и благодаря их последующей категоризации. В некоторых случаях тексты писем отражают идентификацию с одной эмоциональной группой, такую идентичность мы называем моноидентичностью. В других случаях мы видим идентификацию с несколькими эмоциональными группами, в таких случаях мы вводим термин мультиидентичность. Такое разделение позволяет более глубоко понять процесс конструирования различных эмоциональных групп и идентичностей, а также оказываемое ими влияние.

Ключевые слова: эмоции; групповые эмоции; эмоциональные репрезентации; идентичность; Карибский кризис; холодная война; Н.С. Хрущев.

Аванская Виктория Артуровна – младший научный сотрудник
лаборатории «Институциональная история XX века» ИВИ РАН.
Россия, Москва.
E-mail: viktyasa@mail.ru

**Avanskaya V.A. Cuban Crisis in the Emotional Representations of Americans
(using letters from American citizens to Nikita Khrushchev as an example)**

***Abstract.** Emotions play a role in the formation of groups and identities. Studying them allows us to better understand the mechanisms of constructing the categories of «Us» and «Them», as well as reactions to political events. In IR, within the constructivist approach, emotions are studied using emotional representations, i.e., ways of conveying emotions using cultural and social codes embedded in speech, texts, visual images, performative acts, etc. The purpose of the article is to demonstrate the importance and possibility of studying emotions in the history of international relations.*

The article uses letters written by American citizens to Nikita Khrushchev during the Cuban Missile Crisis. These sources contain emotional representations that allow us to study emotional groups and identities that were formed or actualized during the Cuban Missile Crisis, which in turn allows us to show the emotional reactions of Americans to this event, as well as explain why these reactions differed and what determined these differences.

Different reactions of Americans to the Cuban Missile Crisis can be explored not only through the study of emotional groups and identities, but also through their subsequent categorization. In some cases, texts of the letters reflect identification with one emotional group, which is called a mono-identity. In other cases, we see identification with several emotional groups, in such cases the term multi-identity is introduced. This separation allows a deeper understanding of the process of construction of various emotional groups and identities, as well as the impact they exert.

***Keywords:** emotions; group emotions; emotional representations; identity; Cuban crisis; Cold War; N.S. Khrushchev.*

Avanskaya Viktoriya Arturovna – junior researcher
of the laboratory «Institutional History of the 20 th Century»,
IWH RAS. Russia, Moscow.
E-mail: viktya@mail.ru

Теоретическое осмысление роли эмоций в международных отношениях началось в начале 2000-х годов с программных статей и выступлений политологов Дж. Мерсера, который начал теоретическое осмысление эмоций во второй половине 1990-х [Hutchison E., Bleiker R. 2008, p. 116; Mercer 2005] и Н. Кроуфорд [Crawford 2000]. Они призывали коллег к изучению эмоций и разработке необходимой для этого теоретической базы. Появившиеся вслед за этим работы были посвящены событиям XX в., которые служили иллюстрацией возможностей применения методологии изучения эмоций на примере современных кейсов. Так, Л. Эзнак с помощью эмоций исследовала значение кризисов в отношениях между близкими союзниками на примере

Франции и США после вторжения последних в Ирак и Великобритании и США во время Суэцкого кризиса [Eznack 2011].

Исторических работ по XX в. и по периоду холодной войны с использованием этой методологии пока нет. Данная статья призвана продемонстрировать продуктивность ее применения для изучения идентичностей в период холодной войны на основе исторических источников, в данном случае, писем американских граждан Н.С. Хрущеву во время Карибского кризиса. Эти письма американские граждане начали писать Н.С. Хрущеву после того, как прослушали обращение президента Дж. Кеннеди по радио и телевидению. Президент Кеннеди сообщил о размещении ядерного оружия на Кубе и о ее блокаде. Многие авторы писем сели за их написание сразу после окончания речи президента.

Изучение данного источника позволяет нам показать то, как эмоции формировали и закрепляли эмоциональные группы внутри американского общества. Тот факт, что письма в большинстве случаев писались конкретным человеком и составлялись без какого-либо заранее существовавшего шаблона, дает нам возможность восстановить процесс формирования идентичностей отдельно взятых американцев и продемонстрировать возможность сосуществования в их сознании нескольких, зачастую конфликтующих, идентичностей.

Письма, ставшие объектом авторского анализа, отправлялись Н.С. Хрущеву как Председателю Совета министров СССР. Поэтому они находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде Совета министров на микрофильмах, которые сделаны при помощи фотографий оригиналов писем. Сами письма писались от руки ручкой или карандашом или печатались на пишущей машинке. Всего в архиве собрано 600 писем, посвященных Карибскому кризису. В данной статье приводятся переводы текстов писем, сделанные автором самостоятельно, материалы архивного дела переводов не содержат.

Эмоции как инструмент формирования идентичности

Эмоциями автор статьи называет социальные конструкторы, которые опираются на телесные ощущения, но отличаются от них тем, что вербализируются при помощи культурных и социальных практик. Мы можем считывать и изучать эмоции при помощи эмоциональных репрезентаций, т.е. способов передачи эмоций между людьми.

Эмоциональными репрезентациями являются тексты и устные речи, которые благодаря языку и сложившимся культурным кодам передают эмоции от их авторов к слушателям и читателям. То же самое делают жесты, мимика и интонации говорящего, визуальные изображения, такие как фотография,

живопись и карикатура. Практики коммеморации, коллективного оплакивания или празднования также содержат в себе культурно и социально принятые формы выражения эмоций [Hutchison E., Bleiker R. 2017, p. 21].

Эмоции обладают политическим потенциалом, благодаря чему играют важную роль в конструировании групповых идентичностей, которые, в свою очередь, формируют политические практики [Hutchison 2016, p. 22]. Политическим потенциалом называют способность эмоций формировать группы и идентичности, консолидировать и разобщать общества, вызывать эскалацию и деэскалацию агрессии внутри группы или движения и т.п.

Политический потенциал эмоций обеспечивается их способностью переходить в групповые или коллективные, т.е. эмоции, которые человек испытывает не как индивид, а как часть группы [Sasley 2011, p. 459–462]. Групповые эмоции могут отличаться от индивидуальных и не быть связаны с физическим телом. Переход в групповые эмоции осуществляется при помощи эмоциональных репрезентаций и способности человека идентифицировать себя с внешними объектами [Hutchison, Bleiker 2014, p. 505–506; Mercer 2014, p. 530].

Человек способен быть частью нескольких групп одновременно, как маленьких – семья или творческий кружок, так и больших – страна или вообще все человечество. Эмоции помогают формировать и поддерживать группы, структурируя опыт внутри и вне их. Так позитивные эмоции по отношению к группе обеспечивают идентификацию с ней, и чем позитивнее эти эмоции, тем более негативные эмоции испытываются к внешним группам. Можно также говорить о степени идентификации с группой, которая определяет восприимчивость к критике по отношению к ней. Чем выше степень идентификации со своей группой, тем меньше воспринимается ее критика. Внешние же группы принижаются, их позиции и точки зрения не учитываются [Mercer 2014, p. 522–529].

Однако группы формируются не только при помощи эмоций, которые переживают ее члены по отдельности. Важна синхронизация этих эмоций [Koschut 2018, p. 327], что осуществляется при помощи коллективных проявлений эмоций, таких как минуты молчания, подношения цветов, коллективные празднования, акции протеста, т.е. при помощи эмоциональных репрезентаций. Так члены группы идентифицируют себя друг с другом и подразумевают, что испытывают одни и те же эмоции. Таким образом конструируется общность, которая строится на взаимном признании и контроле эмоций друг друга [Koschut 2018, p. 321]. В итоге члены группы способны оскорбиться не просто за себя, но и за свою группу, испытывать за нее гордость, радость и т.д. Это происходит в том случае, когда они обладают высокой степенью идентификации со своей группой. Если же она слабая, то меняются и реакции таких людей.

Письма американских граждан советскому лидеру дают дополнительные возможности для понимания групповых эмоций и идентичностей. Мы можем не просто изучать отдельную группу и поддерживаемые внутри нее эмоции и идентичности, но и эмоции индивидов, которые одновременно состоят в нескольких группах. Таким образом можно выявить неочевидные группы, а также изучать механизм того, как люди «перемещаются» между группами или же сочетают их внутри себя. Недостатком этого типа источников является то, что мы не имеем возможности дополнительно изучить политические и религиозные взгляды их авторов, мы не знаем, в каких еще эмоциональных группах они состояли. Но вместо этого, мы получили своего рода эмоциональные слепки авторов во время Карибского кризиса, мы можем изучить то, какие эмоции и ценности актуализировались и отразились в текстах писем.

Автор статьи полагает, что группы формируются не только благодаря эмоциям, но и вследствие сочетания разделяемых эмоций и ценностей. Похожую идею высказывает в своей работе Саймон Кошут [Koschut 2018]. Он предлагает добавить к конструктивистскому объяснению мира между демократическими государствами, основанному на общем мироощущении и конструировании категорий «Мы» и «Они», эмоции, т.е. симпатии к «Нам» и гнева к «Ним» [Koschut 2018, p. 321]. Автор статьи, в свою очередь, предлагает добавить еще и ценности. Именно их совместное конструирование позволяет формировать эмоциональные группы и идентичности, как демонстрируют письма, ставшие объектом анализа.

Кроме того, поскольку целью этой статьи является демонстрация важности эмоций для изучения идентичностей холодной войны, у нас нет необходимости выделять конкретные эмоции, которые авторы транслировали в своих письмах, для нас достаточно того, были ли они позитивными или негативными. В случае исследования конкретных эмоций, таких как гнев, стыд, жалость и т.д., необходимо корректировать ракурс исследования, используемые методы и историографию.

Моноидентичности в письмах американцев

В письмах американских граждан Н.С. Хрущеву мы видим то, как их авторы создают эмоциональные группы. Они делают это при помощи распространения своих эмоций и ценностей на других американцев. В письме, датированном 22 октября 1962 г. и написанном сразу после обращения Дж. Кеннеди к нации, автор пишет:

«Дорогой премьер Никита Хрущев,

Я хотел (а) бы сказать, что я думаю, что вы большой глупец, мой дорогой сэр.

Наш любимый Президент Кеннеди сегодня обратился к нации.

Установка (ракет) вашей страной на Кубе – большое оскорбление для всех американцев. Могу вас заверить, что мы не потерпим этого, даже если это может означать войну!

Только свобода победит в нашем мире» [Письма и телеграммы, л. 55].

Автор письма оскорбился за свою страну и считает, что оскорбление было нанесено всем американцам. То есть он подразумевает, что его собственные эмоции отражают то, что чувствуют остальные члены его группы. Мы знаем, что автор написал письмо в день речи Кеннеди, т.е. он не успел прочесть или увидеть реакцию своих сограждан в СМИ. Исходя из этого мы можем предположить, что автор в большой степени идентифицирует себя со своей страной. Он также считает, что его страна не потерпит оскорблений от Советского Союза и признает возможность войны, как ответной реакции. А в то время речь шла именно о ядерной войне, а в обществе обсуждалась возможность взаимного уничтожения при помощи ядерного оружия. То есть, эмоциональный ответ автора был очень сильным, нанесенное оскорбление воспринималось серьезно.

Теперь посмотрим на эмоции автора этого письма, обращенные к внешней группе.

«Вы, мой дорогой глупый сэ, войдете в историю как диктатор, ненавидимый миром и вашими собственными людьми. В конце концов победит только свободно живущий народ. Не те, кого толкают во что-то, во что они не верят и что не любят, т.е. в коммунизм. Да простят Бог и Мир вашу несчастливую душу. Я уверен (а), что ответ в вашу защиту будет интересным! Если вам есть чем себя защитить!

Преданный-(ая) американец-(ка) и горжусь этим!» [Письма и телеграммы, л. 55].

Мы видим, что автор принижает внешнюю группу, т.е. СССР, и выражает негативные эмоции: советские люди не верят и не любят коммунизм, который им навязывают. Хрущев, как главный представитель своей группы, является ненавидимым тираном с нечистой душой, а коммунизм противопоставляется свободе. При этом автор не выражает сочувствия советскому народу или какой-то другой позитивной эмоции.

Реакция автора этого письма обусловлена высокой степенью идентификации с Соединенными Штатами. Автор оскорбился за свою страну и распространил свои эмоции на остальных членов своей группы. При этом высокая степень идентификации определяет его негативные эмоции по отношению к Советскому Союзу.

В письмах есть и другие реакции американцев на Карибский кризис, они тоже обусловлены отношениями с собственной группой. В случае низкой степени идентификации со своей страной авторы части писем могли не под-

держивать ее решения, а вместо этого принимать точку зрения Советского Союза и сочувствовать ему.

«Дорогой Премьер Хрущев!

Я хочу извиниться перед вами за действия президента Кеннеди и части наших законодателей!

Я только что телеграфировала Кеннеди, заявив, что Куба не представляет угрозы для Соединенных Штатов и нам не стоит рисковать войной. Было глупо начинать блокаду Кубы. Мы должны руководствоваться реальностью, а не страхом и истерией.

... Мне плохо от мысли о новой войне – войне, слишком ужасной, чтобы осознать ее последствия. Я хочу, чтобы мой маленький сын рос в мире, свободном от борьбы и напряженности, мире, которого я никогда не знала.

Искренне Ваша, во имя человечества!

Г-жа Рамона Найджел» [Письма и телеграммы, л. 21].

Автор чувствует необходимость извиниться перед Хрущевым за действия своего президента и части правительства. Это одновременно показывает ее связь с Соединенными Штатами как группой и низкий уровень ассоциации с правительством США. Рамона Найджел не поддерживает решение своей страны, она ставит себя на место Советского Союза и смотрит на ситуацию с его позиции, что и заставляет ее приносить Хрущеву извинения.

Все это вовсе не означает, что она не отождествляет себя со своими согражданами. Для нее эта большая группа распадается на различные составляющие. Рамона ассоциирует себя со своей семьей, соседями, коллегами, но не с группой Кеннеди и поддерживающих его политиков, так как они угрожают ее ценностям, а именно семье и миру, свободному от страха и истерии. Она ставит подпись «во имя человечества», но пишет больше не о нем, а о своем сыне и мире, в котором ему предстоит жить. Именно сын определяет ее ценности, которые потом формируют ее восприятие кризиса. Эмоциональное отношение к внешней группе здесь не играет большой роли, важно то, что мирное сосуществование и разоружение соответствуют ценностям и желаниям Рамоны. Решения же ее правительства идут с ними вразрез, что приводит к низкому уровню ассоциации себя с этим правительством и к его критике.

В приведенных выше письмах мы видим, как эмоциональные репрезентации помогают определить группы, к которым принадлежали их авторы, а также степень идентификации с ними. Мы видим свидетельства принадлежности к одной большой группе – американским гражданам. Это не значит, что авторы не принадлежали к другим группам. Просто в контексте начавшегося ядерного кризиса и в момент написания писем у авторов превалировала одна отразившаяся в письмах групповая идентичность. Принадлежность к этой группе и степень идентификации с ней определяют реакцию авторов на Карибский кризис и их отношение к Советскому Союзу.

Мультиидентичности в письмах американцев

Еще одним фактором, формирующим реакции на Карибский кризис, является способность людей принадлежать к нескольким группам одновременно. Это приводит к тому, что мы способны испытывать позитивные чувства к нескольким группам, быть носителями ценностей разных групп и испытывать эмоции, распространенные в разных группах. Порой эти эмоции и ценности даже способны конфликтовать между собой.

Так, авторы писем могли принадлежать не только к группе граждан Америки, но и к группе граждан мира, что заставляло их воспринимать конфликт между США и СССР еще и как губительный для человечества. В некоторых случаях авторы распространяли свои эмоции и ценности на советских граждан, как на таких же жителей Земли, что не позволяло им сохранять негативное отношение и не учитывать интересы советских граждан.

Одним из примеров является письмо Мисс Честер:

«Во-первых, я должна сказать, что пишу, как гражданка США. Я люблю свою страну и при необходимости буду бороться за нее и за ее идеалы, даже перед лицом смерти. Но я также пишу, как гражданка мира. Последние события на Кубе глубоко огорчили меня. Хотя я чувствую, что решение моей страны нужно было принять, я не могу найти в себе силы ненавидеть кого-либо из моих братьев людей» [Письма и телеграммы, л. 59].

Мисс Честер начинает свое письмо с того, что она любит свою страну и готова бороться за нее и ее идеалы, она считает, что решение о блокаде Кубы было необходимо принять. То есть она достаточно сильно идентифицирует себя со своей страной: принимает ее решение, испытывает к ней позитивные эмоции. Исходя из этого, она должна испытывать негативные эмоции к внешней враждебной группе – Советскому Союзу. Вместо этого мисс Честер пишет, что не может найти в себе силы ненавидеть других людей и называет себя еще и гражданкой мира. Она продолжает:

«Спасибо за то, что выслушали меня. Сегодня вечером, когда я буду ложиться спать, я произнесу небольшую молитву за Америку, мой дом, а также за мир, который также является моим домом. Я слышала, что вы не верите в молитвы; тогда примите это как пожелание благополучия и безопасности для всех людей во всем мире» [Письма и телеграммы, л. 59].

В обращении к главе Советского Союза автор принимает его точку зрения на мир: просит воспринять ее молитву как пожелание благополучия и безопасности, так как слышала, что в молитвы Хрущев не верит. Мы видим, что автор является носителем двух, казалось бы, несовместимых идентичностей. В рамках одной она готова бороться за идеалы своей страны с Советским Союзом. А в рамках второй ощущает себя частью общечеловеческой группы, которая включает в себя и советских граждан.

Механизм включения советских граждан в единую с американцами группу был следующим.

Во-первых, советские граждане включались в единую группу с американцами с помощью распространяемых на них групповых эмоций. Вот что мы видим в другом письме (мисс Райтон):

«Я уверена, вы понимаете г-н Хрущев, что я вряд ли являюсь знатоком современного мирового развития в его различных аспектах. Но мне не обязательно им быть. Не нужно быть экспертом, чтобы понять страх современных людей. Моего и вашего народа, моей и вашей страны и моего мира, который также является вашим. Почему возникает этот страх, сэр? Я знаю, что ваши люди тоже должны его разделять. И если вы заглянете в свое сердце, я уверена, что вы тоже должны его испытывать. Какой у вас мотив? Что вы предлагаете миру, чтобы компенсировать его потерю в результате войны? Вы говорите, что хотите мира, но честны ли вы с собой, не говоря уже об окружающем мире? Такой уважаемый лидер такой могущественной страны должен искренне верить в свои действия. Еще раз спрашиваю, сэр, что это? Какой у вас мотив?» [Письма и телеграммы, л. 69].

В своем письме Джоан Райтон пишет о страхе, но не просто о своем или своей группы – американцев, но и о страхе советских людей и страхе народов всего мира. Мир же она называет своим и Хрущева. Таким образом автор объединяет свою группу с группой Хрущева при помощи разделяемой эмоции страха и принадлежности к одному миру.

Хрущев для нее политик, которого она не понимает, но которому она готова задавать вопросы. Автор просит Хрущева воспринять ее вопросы всерьез и ответить на них. То есть она хочет понять точку зрения представителя внешней противопоставляемой группы, вместо того чтобы игнорировать ее. В данном случае это следствие не столько слабой ассоциации со своей группой, сколько следствие включения себя в группу советских граждан благодаря общему страху перед ядерной войной.

Во-вторых, объединение с группой советских граждан могло осуществляться при помощи самого Хрущева. Никита Сергеевич постоянно присутствовал на страницах американской прессы, в своих выступлениях он говорил об американцах и с американцами. Его поездка в США в 1959 г. широко освещалась в СМИ, кто-то из американцев даже встречал его лично.

Одна из авторов писем, Гариетт Роджерс, пишет:

«Недавно в одном из журналов я увидела фотографию вас, вашей жены, детей и внуков. Благодаря этому фото у меня сложилось впечатление, что вы преданный семьянин. У многих из нас есть семьи, которые мы очень любим. Так что видите, независимо от нашего происхождения, это наш один общий интерес. И, сэр, есть еще много других. Наши страны могли бы быть большими друзьями. Мы должны быть понимающими, чтобы был мир. Мир

означает жизнь, которая очень дорога для всех нас. Война означает смерть и разрушение.

Помогите нам обрести мир, чтобы наши страны добивались прогресса и не тратили [свой потенциал] впустую» [Письма и телеграммы, л. 4–6].

Гарриет Роджерс в первую очередь связывает себя не с советским народом, а с известным ей советским человеком – Никитой Сергеевичем Хрущевым. Семейная фотография Хрущева сыграла роль эмоциональной репрезентации: благодаря ей, автор письма связала и эмоционально идентифицировала себя с Хрущевым, увидела в нем человека, семьянина с такими же ценностями, как и у нее. Автор приписала ему свои ценности и благодаря этому увидела возможность дружбы между своей и его страной. То есть она сначала включила Хрущева в свою группу, а потом уже советский народ, представителем которого являлся Хрущев.

Во второй описанной группе писем мы видим, что ее авторы принадлежали к нескольким эмоциональным группам одновременно. Само по себе это не удивительно, так как все люди принадлежат ко многим эмоциональным группам. Для нас важно то, что в письмах отразилась принадлежность к двум группам – американцев и граждан мира, включающих в себя еще и граждан СССР. И это сформировало несколько идентичностей, которые актуализировались благодаря Карибскому кризису и сыграли важную роль в его восприятии.

Письма американских граждан Н.С. Хрущеву демонстрируют, как человек конструирует идентичности и свою принадлежность к различным эмоциональным группам. Авторы писем могли отражать в своих текстах моноили мультиидентичности, т.е. принадлежность к одной или нескольким эмоциональным группам, в зависимости от того, какие из них формировались или актуализировались Карибским кризисом.

В случае отображения в письмах моноидентичности, авторы распространяли свои эмоции и ценности на других американцев, а также формировали негативное или позитивное отношение к СССР в зависимости от степени идентификации с США. Мы находим такие эмоции как оскорбленность и гордость за Соединенные Штаты и чувство вины перед Советским Союзом, любовь к Дж. Кеннеди и нелюбовь к Н.С. Хрущеву. А также ценности, которые разделяются членами эмоциональной группы – свобода, мир, семья, страна. В случае мультиидентичностей у авторов возникало более сложное отношение к Карибскому кризису и Советскому Союзу. В ряде писем авторы заявляли о себе не только как об американцах, но и как о гражданах мира. В итоге желание поддержать политику своей страны дополнялось желанием мира и благополучия для всех людей, в том числе и для советских, а внимание переключалось на проблему взаимной ответственности США и СССР за судьбу человечества. В этих письмах мы находим страх перед войной и

огорченность Карибским кризисом, любовь к своей стране и отсутствие ненависти к советским собратьям, но при этом примерно тот же набор ценностей, что мы видим в письмах с моноидентичностями: семья, мир, страна. Таким образом, вне зависимости от сформировавшихся идентичностей, Карибский кризис актуализировал схожие ценности, которые можно назвать базовыми и общечеловеческими. Возможно, это вызвано тем, что вероятность ядерной войны виделась очень высокой. Эта проблема требует отдельного исследования.

Советские люди могли включаться в единую эмоциональную группу граждан мира, которых объединял страх перед ядерной войной и общечеловеческие ценности, такие как семья и планета Земля. Это включение происходило при помощи распространяемых на них эмоций и ценностей и / или их распространения на конкретного советского человека, в нашем случае им стал Н.С. Хрущев.

Еще одним важным фактором конструирования эмоциональной группы становилась степень идентификации с ней. Высокая степень идентификации американцев со своей страной рождала полную поддержку ее политики, негативное отношение к Советскому Союзу и порой даже принятие войны как возможного следствия Карибского кризиса. Слабая идентификация с Соединенными Штатами давала возможность критиковать политические решения страны и испытывать сочувствие и принятие точки зрения Советского Союза.

Проведенный анализ также продемонстрировал, что отражение в источниках моно- или мультиидентичности происходило относительно события или явления, которое ее актуализировало. Так, в связи с Карибским кризисом формировалась одна или несколько идентичностей, что и определяло то, сколько эмоциональных групп автор отражал в письме и какой была сложность и разнообразность эмоциональных его ответов на это событие.

Библиография

- Crawford N.C. The Passion of World Politics. Propositions on Emotion and Emotional Relationships // *International Security*. 2000. 24(4). P. 116–156.
- Eznack L. Crises as Signals of Strength: The Significance of Affect in Close Allies' Relationships // *Security Studies*. 2011. № 20. P. 238–265.
- Hutchison E. *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma* (Cambridge Studies in International Relations). Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 350 p.
- Hutchison E., Bleiker R. Emotions, Discourse and Power in World Politics // *International Studies Review*. 2017. № 19. P. 501–508.
- Hutchison E., Bleiker R. Theorizing emotions in world politics // *International Theory*. 2014. № 6. P. 491–514.
- Koschut S. No sympathy for the devil: Emotions and the social construction of the democratic peace // *Cooperation and Conflict*. 2018. № 53. P. 320–338.
- Mercer J. Feeling like a state: Social emotion and identity // *International Theory*. 2014. № 6(3). P. 515–535.

Mercer J. Rationality and Psychology in International Policy // *International Organization*. 2005. № 59(1). P. 77–96.

Sasley B.E. Theorizing States' Emotions // *International Studies Review*. 2011. № 13. P. 452–476.

Письма и телеграммы, поступившие на имя Председателя Совета Министров СССР т. Хрущева Н.С. из США, в связи с агрессивными действиями США против Кубы // ГАРФ.Ф. Р 5446. Оп. 96. Д. 1306.

References

Crawford N.C. The Passion of World Politics. Propositions on Emotion and Emotional Relationships. *International Security*. 2000. 24(4). P. 116–156.

Eznack L. Crises as Signals of Strength: The Significance of Affect in Close Allies' Relationships. *Security Studies*. 2011. N 20. P. 238–265.

Hutchison E. *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma* (Cambridge Studies in International Relations). Cambridge: Cambridge University Press. 2016. 350 p.

Hutchison E., Bleiker R. Emotions, Discourse and Power in World Politics. *International Studies Review*. 2017. N 19. P. 501–508.

Hutchison E., Bleiker R. Fear No More: Emotions and World Politics. *Review of International Studies*. 2008. N 34 (S1) P. 115–135.

Hutchison E., Bleiker R. Theorizing emotions in world politics. *International Theory*. 2014. N 6. P. 491–514.

Koschut S. No sympathy for the devil: Emotions and the social construction of the democratic peace. *Cooperation and Conflict*. 2018. N 53. P. 320–338.

Mercer J. Feeling like a state: Social emotion and identity. *International Theory*. 2014. N 6(3). P. 515–535.

Mercer J. Rationality and Psychology in International Policy. *International Organization*. 2005. N 59(1). P. 77–96.

Pis'ma i telegrammy, postupivshie na imya Predsedatelya Soveta Ministrov SSSR t. Hrushcheva N.S. iz SSHA, v svyazi s agressivnymi dejstviyami SSHA protiv Kuby [Letters and telegrams addressed to the Chairman of the Council of Ministers of the USSR Comrade Khrushchev N.S. from the United States, in connection with the aggressive actions of the United States against Cuba]. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. P 5446. Inv. 96. F. 1306. (In Russ.)

Sasley B.E. Theorizing States' Emotions. *International Studies Review*. 2011. N 13. P. 452–476.